

Катерина маялась. Настал главный день в ее жизни, день, к которому мать начала готовить ее с самого детства. Именно сегодня все должно было перемениться: из отцовского дома она навсегда уходила в дом мужа. Но не только это тревожило Катерину: все станут смотреть, оценивать? красива невеста или нет, достойна ли жениха... Она же точно знала — нет, не достойна... Куда там! Безграмотная крестьянка без кола и двора — а тут купец! От волнения Катерину

слегка подташнивало: а вдруг в церкви выворачивать начнет? Вся деревня вовек не забудет, вся волость! Да еще скажут, что беременная... Мысли кружились, цеплялись одна за другую и не давали заснуть.

Но главное, что не давало покоя: вчера во время исповеди она так и не смогла признаться отцу Ефрему в чувствах к Николаю, которые была не в силах объяснить и которые ее терзали... теперь этот невысказанный секрет томил душу.

Катерина не спала всю ночь. Еще вчера ее водили в баню, снова долго, до одури причитали. Александр прислал жениховую шкатулку с белоснежной ажурной, как рыболовецкая сеть, фатой, сверкающими обручальными кольцами, стройными венчальными свечами, набором костяных гребенок, булавками и сладкими до головокружения духами. Рано утром Глаша новыми гребнями причесала волосы невесты, а Мотя, снарядившись, с причитаниями стала одевать Катерину к венцу.

Ее нарядили в газетовое белое платье, заказанное Александром в Старице, в подол воткнули булавки от глаза, а на голову надели фату, украшенную красными бумажными цветами. Приготовили и пушистую беличью шубку, которая будет оберегать от глаза, когда невесту повезут в церковь.

Дуська, прослезившись, благословила Катерину и не поскупилась — отдала небольшую ладанку своей матери: она носила ее как оберег со дня свадьбы с Федором.

В усадьбе тем временем шли торопливые сборы — готовились ехать за невестой. Александр все никак не мог повязать себе шейный платок: пальцы не слушались, ему казалось, что он как-то неподобающе одет, поэтому невпопад спрашивал совета и помощи Николая, а Николай, не спавший всю ночь, молчал, пил кофе и курил одну папиросу за другой, словно не замечая происходящего. Только Петр Петрович оставался рассудительным и собранным: с утра сбегал на кухню и убедился, что свадебный обед готовят, как полагается, а сейчас командовал во дворе кучерами и указывал бабам, как украшать подводы. Наконец, помолясь на иконы, троица села в свадебный поезд с традиционно нечетным числом подвод и покатила в Дмитрово.

Приехав в деревню, Николай-друга и Петр-полудружье отправились выкупать невесту, оставив нервничающего Александра дожидаться у саней. Как полагалось, ворота оказались заперты. Под веселое улюлюканье ребятишек и под присмотром деревенских зевак началась «торговля».

Николай дурным голосом, притворяясь деревенским мужиком, начинал:

— Мы приехали не за лисицей, не за куницей, а за красной девицей: есть тут у нас девушка сговорена, подарочком одарена!

Ему отвечал Тимофей Бочков:

— Я пустил бы, да выросла у меня среди двора береза — ни пешему пройти, ни конному проехать!

На что Николай, войдя в раж, отвечал:

— Нам твоя береза не помеха, мы приехали не одни: нас приехало семеро саней, по семеро на санях, по двое на запятках, по трое на заградках.

Так продолжалось около получаса: Николай, по научению Петра, бойко препирался с Тимофеем, припоминая шутки и прибаутки до тех пор, пока им не сказали «Просим милости» и не отперли ворота.

Николай понимал: вот оно, неизбежное, а значит, надо перенести эту боль, прочувствовать ее до конца — только тогда возможно исцеление. Он вернулся за Александром, взял его за руку и ввел в дом Бочковых. Невеста с подневестницами, Глашей и Полей, стояла у печи за перегородкой.

В белом подвенечном платье Катерина казалась такой трогательной и красивой, какой он никогда ее еще не видел. Николаю на мгновение почудилось, что это его она ждет, что это он, а не Александр, женится на ней сегодня. Перед глазами пронеслась вся их будущая жизнь, которая невозможна, представились и дети, которым не суждено родиться...

Николай, рассеянно заплатив девушкам по рублю, дрожащей рукой вывел Катерину к жениху и вдруг забыл, что нужно делать дальше. Ему со смехом подсказали, и он, как полагается, обвел молодых три раза вокруг обеденного стола.

Федор с Дуськой кое-как благословили жениха и невесту иконами и караваем: Федор так набрался с утра, что Дуське пришлось держать мужа и молиться, чтобы он чего-нибудь не устроил в самый ответственный момент. Счастливых Катерину и Александра вывели во двор и усадили порознь на подводы. Николай, куражась напоказ, шутил и щедро осыпал свадебный поезд хмелем и рожью, а Петр, как заведенный, шелкал вокруг кнутом, словно отгоняя нечистую силу. Наконец отправились в церковь.

Перед венчанием отец Ефрем посадил растерянную Катерину на скамью, строго приказав никому к ней не подходить. Она слышала, как у алтаря разговаривали Александр, Николай и отец Ефрем, шутили, но ей вдруг показалось, что сегодня любимая Тихвинская смотрела строго, с осуждением. «Знак, дай мне знак! Какая будет моя доля? Помоги мне, спаси меня! Прости мне грехи мои, Матьерь Божья!» От волнения и от терпкого запаха ладана Катерине стало нехорошо, она заплакала. Слезы полились сами собой, обжигая щеки: ей стало жалко свою никчемную разнесчастную дозамужнюю жизнь, родителей, а прежде всего саму себя. Вспомнился Николай, как он плакал тогда, когда отвозил ее в санях к родителям, его бледное и несчастное лицо, когда он сегодня ее увидел. «Ох, что станется со мной теперь? Что меня ждет?»

Катерина, так сильно желавшая этой свадьбы, радовавшаяся ей, вдруг во всем раскаялась: что встретила и полюбила Александра, что согласилась выйти за него. Жил бы он счастливый со своей ровней, грамотной, благословленный отцом, а она всю

Машин

жизнь ему, змея, перекутила, от родни отбила! Грешница, пусть сама того не желая, влюбила в себя женатого! До этого мгновения ей казалось возможным передумать, все вернуть обратно, а теперь, сидя в подвенечном платье на скамье под иконами, она почувствовала неотвратимость происходящего. Захотелось скрыться, убежать, но что люди-то скажут? Мать? Как дальше жить? А с ним что будет, с Александром?

Мысли путались, сомнения обуревали Катерину. Каким он станет для нее мужем? Внезапно откуда-то взялся страх, что он, ее Александр, такой нежный и мечтательный, который на одну минутку приезжал с полей, лишь бы только пожелать ей доброго утра, станет ее бить. Откуда-то взялась дурная мысль: вот Любку муж забил — одна рука вдоль тела висит, нерабочая. А он загулял с бабой из Подсосенья: вся деревня знает.

Катерина не заметила, как Николай и Глаша под руки вывели ее к алтарю. Началось венчание. Певчие, специально приглашенные по этому случаю из Старицкого монастыря, запели псалом «...жена твоя, яко лоза, плодovита в странах дому твоего...».

Венчальная корона, надетая Николаем, больно сдавливала голову. Как терновый венец. «Не на радость я замуж выхожу. Это знак, знак! Не будет мне с ним легко. Не свою корону надеваю, ой, не свою».

Вот постелили белый накрахмаленный рушник. Катерина вспомнила, что люди говорили: кто первый на рушник ступит, тому и хозяином в доме быть. Подождала, пока Александр занесет свою ногу, и только потом наступила сама: не хватало еще, чтобы худое говорили, что управляющий под пятой у бабы своей.

Не понимала ни слова, что говорил отец Ефрем. Покорно, не вдумываясь, повторяла слова молитвы и крестилась.

...а жена да боится своего мужа...

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, Слава тебе Боже!

Отец Ефрем крепко обвязал рушником руки молодых: как оковы надел, подумала Катерина, наблюдавшая, как волнуются их венчальные свечи, как медленно стекает по ним воск. Молитва не шла. «Как свеча горит — такой и жизнь будет, — говаривала мать. — Быстро прогорит — на жизнь недолгую, смерть придет». «Ах, какая же ждет меня? Долгая или короткая? Счастливая или нет?»

Священник начал неспешно обводить молодых вокруг аналой. Длинное свадебное платье волочилось за Катериной, на каждом круге рискуя за этот самый аналой уцепиться и прервать процессию. Николай, не отрывавший взгляда от Катерины, заметил ее волне-

ние, наклонился и незаметно для окружающих распу- тал шлейф, не дав ему остановиться таинство.

Венчание закончилось. Вот и все. Отец Ефрем да- вал молодым напутствие, говорил что-то хорошее и правильное про Божью благодать, про ангела, кото- рого Господь дает каждой семье во время венчания... «Как я могла думать всякие глупости, сомневаться? Вот он, Александр — теперь муж мой, родной!» Буду- щая жизнь представилась Катерине: большая счаст- ливая семья, смеющийся Александр. Безграничное блаженство завладело ей, захотелось кричать: как же все-таки хорошо! Александр улыбался своей доброй широкой улыбкой, и Катерина подумала, что не слу- чалось еще в ее жизни ничего прекраснее.

Глаша и Поля заплели ей замужние косы, после чего новобрачные вышли к людям, дожидавшимся на паперти. Собралась толпа: все село и даже окрест- ные пришли посмотреть, как венчается управляю- щий. «Какая же, Катька, ты счастливая!» — шепнула Глаша.

Свадебный поезд тронулся в усадьбу. На первых санях, щедро украшенных разноцветными бумажны- ми цветами, сидели Александр и Катерина; правил Александр. Снега к тому времени навалило много, поэтому новоиспеченный муж не гнал лошадей, боясь перевернуться. Но Катерине было неумно радостно, сердце бешено колотилось в груди — эй, выпустите меня! Она встала в полный рост и что есть силы по- гнала лошадей в гору, прытко стегнув вожжами:

— Э-э-э-эх, а ну, пошли-и-и-и!..

Гости, ехавшие в свадебном поезде позади, смеялись:

— Ну дает Катька! Лихая жена досталась Алексан- дру Александровичу!

Столы во флигеле, перегруженные заплаканной с холода снедью, уже томилась в ожидании. Николай предлагал для свадьбы всю усадьбу: гуляй, раз такое дело! Но Александр, посоветовавшись с Катериной, отказался — она не на шутку испугалась и даже рас- плакалась: только не там, прошу тебя! Посаженные родители — Ермолай и Агафья — встречали молодых рыжим глазурированным караваем и строгими потуск- невшими иконами, которые достались молодожену от родителей.

У дверей молодым постелили белый холст и нали- ли две хрустальные рюмки водки. Александр и Кате- рина, как положено, пригубили, выплеснули остатки за правое плечо и махнули хрусталь под ноги. Рюм- ка Александра жалобно зазвенела, но не разбилась, а завертелась волчком у его ног: тогда он со всей силы придавил ее каблуком, крутанул, и она с треском рас- сыпалась на мелкие кусочки.

«Вот так же и он меня растопчет, как рюмку», — подумалось вдруг Катерине, и она испугалась непо- нятно откуда взявшемуся предчувствию.

Александр с улыбкой подхватил Катерину и легко перенес через порог. Молодых снова три раза обвели вокруг праздничного стола и усадили во главе.

Агафья затянула жалостливую песню:

Ах, жарко в тереме свечи горят...

Остальные бабы подхватили:

Горят свечи воску ярого;
Ах, жалко плакала свет Хавроньюшка.
Унимал ее родной батюшка,
Уговаривала родна матушка:
Не плачь, не плачь, мое дитяtko!
Уж я тебя не в полон даю,
Не в полон даю, не полонить хочу;
Уж я тебя замуж отдаю,
За умного, за разумного,
За белого, за румяного,
Ведь я тебя не одну пушу,
Не одну пушу, поезжан пошлю,
Поезжан пошлю, сваху снаряжу.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то ведаю,
По домам гости все разъедутся,
И сватьяшки все разойдутся,
Одна я, младшенька, остануся
На чужой дальней на сторонуще,
У чужого отца, матери,
У чужого роду-племени.

Эта песня, как и все последующие, казалась такой безотрадной, что Катерина, забыв про радость, толь- ко что владешую ей, плакала не переставая — бабы знали свое дело. Она оплакивала и себя, и свою судь- бу, и молодость, и красу, и родителей — все то, о чем пелось весь вечер.

Тем временем гости веселились от души: вино, водка и брага текли рекой! Родственники Катерины удивлялись обилию: щи с мутной жирной поволокой, лоснящийся окорок, словно лакированный, молоч- ный медовый поросенок, очевидно, подавившийся яблоком, ароматные куриные потроха. На десерт Ага- фья расстаралась: соорудила большой яблочный пи- рог со взбитыми сливками.

Николай весь вечер казался неестественно весе- лым. Гости были в восторге — сам барин дружкой их развлекал, байки рассказывал, бражки подливал: та- кого чуда еще не видели! Наконец он выдохся — при- творяться не осталось сил.

Николай подозвал Дуську и попросил выслать на минуту Катерину:

— Слово мне сказать ей нужно.

— Нехорошо это, Николай Иванович, — засомневалась Дуська.

— Ничего, только слово сказать — и только. Посмотри, все пьяные уже.

И правда: многие гости спали, положив головы на стол, многие пели задушевные песни, попивая бражку.

Дуська, заметив, что Глашка с подружками куда-то убежала, а Александр о чем-то спорит с Петром Петровичем, отправила Катерину:

— Иди-тка, Катька, во двор, в амбар — там Глашка тебя дожидается, плохо что-то ей.

Николай ждал Катерину в темноте, вдыхая пыльный запах сена и смолоченного зерна. За стеной, в хлеву, возились сонные поросята. Дверь заскрипела, по стенам пробежали тени, и в амбар вошла Катерина. Николай тронул ее за плечо:

— Не бойся, это я.

— Да отпустите вы меня! — Она выскользнула, вырвав у него из рук край фаты и собираясь убежать.

— Катерина, постой. — Николай протянул ей руку, в которой что-то блестело. — Подарок — прабабкино кольцо. Пригодится тебе однажды.

— Нет. — Прижав руки к груди, она еще дальше отступила к двери.

Николай подошел к Катерине вплотную, сжал ее ладони и вложил в них кольцо:

— Возьми, в трудную минуту оно выручит тебя.

Катерина заупрямилась:

— У меня не будет трудных минут!

— Эх, Катя, тебе не миновать с ним горя. Впереди тяжелые времена — я точно знаю. Кольцо спасет твою жизнь. Возьми!

— Подарок дорогой. Я спрошу Сашу.

— Катя, живи своим умом.

— Почему же? Я теперь должна слушаться мужа. — Она попыталась высвободить ладони, но Николай крепко держал их.

Он почувствовал, как нечеловечески устал за сегоднешний день. Капельки холодного пота побежали у него по спине. Николай выдохнул:

— Наступит день, и ты поймешь, что больше не любишь его. Ты прозреешь. Тебе будет страшно и одиноко. Но знай: я всегда буду думать о тебе и разделю твою горе, где бы я ни был. Ты пройдешь тот же путь, что и я: семья, дети, но при этом одиночество, бескрайнее одиночество. Мы встретимся и будем наконец вместе. Я точно это знаю. А пока будь счастлива, пусть этот миг продлится как можно дольше. Я дождусь, — Николай крепче сжал ее пальцы, — возьми.

Он притянул ее к себе и обнял. Катерина почти не дышала. Ему казалось, что она мистически близка ему. Их секрет, их чувства навеки сроднили его с нею, они никогда отныне не станут чужими, что бы ни произошло в жизни каждого.

— Катерина, — не сдержавшись, прошептал Николай, взяв ее за подбородок: позже он ругал себя, что страстно целовал ее, такую нежную и беззащитную в тот момент, пока не почувствовал слезы щеке.

— Это в последний раз, обещайте!

— Хорошо. Я знаю, — сказал Николай, пытаясь запомнить запах ее волос.

Хлопнув дверью, он вышел.